

Е.О. Заклязьминская*

КОНТУРЫ ПОСТГЛОБАЛИЗМА: АМЕРИКАНО-КИТАЙСКАЯ КОНФРОНТАЦИЯ И КРИЗИС УНИВЕРСАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

*Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии РАН»
117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32*

Феномен деглобализации, еще десятилетие назад воспринимавшийся как маргинальная гипотеза или концепт антиглобалистского дискурса, к середине 2020-х гг. превратился в доминирующий тренд развития мировой экономики и одновременно в предмет активной научной полемики. Особый интерес в этом контексте представляет анализ того, как данный тренд проявляется в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) на фоне усиливающегося противостояния между двумя ведущими экономиками мира — КНР и США. В настоящей статье автор пытается ответить на вопрос, приведет ли соперничество между ними к складыванию новой модели глобального развития или же в мировой экономике возобладает тенденция к дальнейшей фрагментации, пусть и регулируемой. В частности, показано, что в АТР, где США и КНР продвигают конкурирующие проекты региональной интеграции, вместо движения к «интеграции интеграций» наблюдается умножение параллельных структур, которые скорее разграничивают экономическое пространство на противоборствующие блоки, нежели способствуют его объединению. В этих условиях региональные державы всё чаще отдают приоритет соображениям безопасности, устойчивости и суверенитета над чистой экономической эффективностью, а в случае малых стран — маневрированию между китайским и американским экономическими блоками. В этом контексте широкое распространение получает также политика технонационализма. Автор подробно освещает развитие технологической гонки между КНР и США, которая приводит к углублению линий разлома в мировой экономике и формированию замкнутых технологических кластеров. На

* *Заклязьминская Екатерина Олеговна* — кандидат экономических наук, руководитель Центра мировой политики и стратегического анализа Института Китая и современной Азии РАН (e-mail: zaklyazminskaya@iccaras.ru).

основе анализа указанных тенденций автор формулирует четыре сценария развития мировой экономики, ни один из которых, однако, пока не был реализован в полной мере. В этой связи делается вывод, что современный этап развития мировой экономической системы можно описать термином «постглобализм», под которым понимается ситуация, когда прежние модели организации глобального хозяйства утратили привлекательность, а новые еще не сформировались. Как таковой постглобализм таит новые угрозы, но и открывает перед государствами, особенно странами Глобального Юга, новые возможности. Однако для того, чтобы воспользоваться последними, необходимы внутренняя консолидация и способность артикулировать собственное видение будущего.

Ключевые слова: мировая экономика, глобализация, деглобализация, фрагментация, постглобализм, поликризис, дезинтеграция, технонационализм, протекционизм, США, Китай, Азиатско-Тихоокеанский регион

Для цитирования: Заклязьминская Е.О. Контуры постглобализма: американо-китайская конфронтация и кризис универсальных моделей // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2026. Т. 18, № 1. С. 81–110. DOI: 10.48015/2076-7404-2026-18-1-81-110.

Ekaterina O. Zaklyazminskaya

**THE CONTOURS OF POSTGLOBALISM:
THE U.S.–CHINA CONFRONTATION
AND THE CRISIS OF UNIVERSAL MODELS**

*Institute of China and Contemporary Asia
Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)
32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, Russia, 117977*

The deglobalization phenomenon, which just a decade ago was perceived as a marginal hypothesis or a concept of anti-globalist discourse, has by the mid-2020s become both a dominant trend in the development of the global economy and a subject of intense scholarly debate. Of particular interest in this context is the analysis of how this trend manifests itself in the Asia-Pacific amid the intensifying confrontation between the world's two leading economies — i.e., the People's Republic of China and the United States. In this article, the author seeks to answer the question of whether the rivalry between the PRC and the United States will lead to the emergence of a new global development model, or whether the tendency toward further, albeit regulated, fragmentation will prevail in the world economy. Specifically, the article demonstrates that the Asia-Pacific, where

the United States and the PRC are advancing competing regional integration projects, experiences not so much a movement toward the 'greater integration' as the proliferation of concurrent structures that tend to delineate the economic space into opposing blocs rather than facilitate its unification. Under these conditions, regional powers increasingly prioritize considerations of security, resilience, and sovereignty over pure economic efficiency, with smaller states engaging in maneuvering between the Chinese and American economic blocs. In this context, the policy of techno-nationalism is also becoming widespread. The author examines the development of the technological race between the PRC and the United States, which leads to the deepening of fault lines within the global economy and the formation of insulated technological clusters. Drawing on the analysis of these trends, the author formulates four scenarios for the development of the global economy, none of which, however, has been fully realized so far. In this regard, the article concludes that the current stage in the development of the world economic system can be described by the term 'post-globalism', which refers to a situation in which the old models of the global economy have lost their appeal, while new ones have not yet taken shape. As such, post-globalism harbors new threats but also opens up new opportunities for states, especially those of the Global South. However, to take advantage of these opportunities, internal consolidation and the ability to articulate a distinct vision of the future are necessary.

Keywords: global economy, globalization, deglobalization, fragmentation, post-globalism, polycrisis, disintegration, techno-nationalism, protectionism, USA, China, Asia-Pacific

About the author: *Ekaterina O. Zaklyazminskaya* — PhD Candidate (Economics), Head of the Center for World Policy and Strategic Analysis, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (e-mail: zaklyazminskaya@iccaras.ru).

For citation: Zaklyazminskaya, E.O. (2026) 'The contours of postglobalism: the U.S.–China confrontation and the crisis of universal models', *Lomonosov World Politics Journal*, 18(1), pp. 81–110. Available at: <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2026-18-1-81-110>. (In Russian.)

Кризис неолиберальной глобализации и поиск новой модели развития в условиях американско-китайской конфронтации

В 1970-е гг. западный проект глобализации, следуя по экстенсивному пути, переместился в страны Азии, вызвав их стремительный

экономический рост, который неизбежно сопровождался увеличением и их политического веса. Однако после Азиатского кризиса 1997–1998 гг. и мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. проект глобализации неолиберального толка зашел в системный тупик [Кузнецов, 2025: 7]. Исследователи заговорили о начале полноценного поликризиса глобальной экономики [Яковлев, 2024], под которым понимается наложение друг на друга множества взаимосвязанных кризисных процессов: финансовых, технологических, экологических и геополитических. Экстенсивная модель, основанная на постоянном поиске новых сырьевых и промышленных баз, рынков сбыта и инвесторов, достигла своих естественных пределов. Как озвученная в 1989 г. модель «Вашингтонского консенсуса», так и разработанная в 2004 г. концепция «Пекинского консенсуса», которая воспринимается рядом исследователей как «Поствашингтонский консенсус» [Экономические системы незападных стран, 2025: 145], начали ставиться под сомнение, а появившиеся в более поздние периоды концепты «Делийского» [Меркулов, 2019], «Корнуоллского» [Мосейкин и др., 2022], «Арабского» [Войченко, 2011] и других «консенсусов» свидетельствуют о попытках незападного мира переосмыслить старые шаблоны глобализации в поисках новых работающих моделей, способных учесть изменившийся баланс сил на мировой арене.

В 2010–2020-е гг. крупнейшие экономики мира, наиболее глубоко интегрированные в глобальные мирохозяйственные связи, а именно США и Китай, начали новую волну конфронтации. Вашингтон выступил настоящим архитектором деглобализации, масштабировав свою политику по введению «санкционных и других торгово-инвестиционных ограничений [, для того чтобы] не допустить усиления глобального влияния наиболее динамично развивающихся стран» [Кузнецов, 2025: 7]. Соединенные Штаты оказались в критической для дальнейшего суверенного развития зависимости от Китая: средняя доля этой страны как доминирующего иностранного поставщика промышленных ресурсов в США стала больше, чем суммарная доля трех следующих поставщиков в 8 из 17 ключевых американских секторов экономики. В производстве американской одежды и электроники доля Китая превысила совокупную долю 10 следующих крупнейших иностранных стран-поставщиков [см. подробнее: Кузнецов, 2025: 11].

Приход Д. Трампа к власти в 2017 г. привел к новому витку усиления ограничительной торгово-инвестиционной и санкционной политики. Проводимый им экономический курс, названный учеными «трампономикой» [см., например: Яковлев, 2017], предполагал пересмотр текущих правил глобализации, отказ от базовых принципов «Вашингтонского консенсуса» (например, в отношении тарифных барьеров [см. подробнее: Williamson, 2004]) и корректировку этой модели в пользу реставрации протекционистских мер, направленных на возврат производств и защиту национального рынка.

Китайский лидер Си Цзиньпин, находящийся у власти с 2012 г., также видел необходимость в «исправлении» действовавшего в стране экономического курса. В 2020 г. председатель КНР озвучил новую модель экономического роста, получившую название «двойная циркуляция» (*dual circulation*, или 双循环). Она предполагала отказ от прежних драйверов роста китайской экономики — экспортной ориентации и масштабных инвестиций в основной капитал — из-за их скорого исчерпания. Новая модель была нацелена на развитие внутреннего рынка при сохранении внешнеэкономической активности [Луконин, Заключенская, 2020]. Корректировка «Пекинского консенсуса», или «дэнсяопиновского» взгляда на экономическое развитие Китая [Портяков, 1998], впрочем, не привела к началу экспертных дискуссий о складывании экономической модели типа «сицзиньпиномики».

На две крупнейшие экономики мира в 2025 г. приходилось 42,7% всего объема мирового ВВП, по данным Международного валютного фонда (МВФ)¹. Обе страны глубоко интегрированы в мировое экономическое пространство: Китай — крупнейший мировой экспортер и второй в мире импортер, США — крупнейший импортер и второй крупнейший мировой экспортер². В этой связи естественным образом китайско-американское противостояние отражается так или иначе на всех трансформациях, происходящих в экономике любого региона. Торговые партнеры США и КНР в Европе, Азии, Африке и Латинской Америке, будучи глубоко интегрированными

¹ GDP, current prices (billions of U.S. dollars) // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPD@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOORLD> (accessed: 05.04.2026).

² World trade statistics: key insights and trends in 2025 // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/world_trade_statistics_e.htm (accessed: 05.04.2026).

в мировую экономическую систему, столкнулись с поликризисом, связанным с происходящими в геоэкономическом ландшафте изменениями.

Дискуссии о поликризисе глобальной экономики, деглобализации и регионализации активизировались в экспертном сообществе уже на рубеже XX–XXI вв. В этот период наблюдался устойчивый сдвиг баланса экономической мощи от развитых западных государств к развивающимся незападным. Данная динамика вступила в противоречие с изначальной логикой глобалистской экспансии, которая в соответствии с концепцией «периферийного капитализма» [Пребиш, 1992] предполагала закрепление за развивающимися экономиками зависимого, периферийного статуса.

На смену идеям о «периферийной экономике» пришли теории зависимого развития, которые разрабатывали С. Амин [Amin, 1976], П. Баран [Баран, 1960], А.Г. Франк [Frank, 1967] и другие ученые. Эти теории объясняли экономическую отсталость стран «третьего мира» не внутренними проблемами, а их положением в мировой капиталистической системе: по мнению указанных исследователей, богатый «центр» процветает за счет выкачивания ресурсов из бедной «периферии», что цементирует неравенство и не дает зависимым странам развиваться самостоятельно.

Теории зависимого развития в свою очередь сменил мир-системный подход И. Валлерстайна, который обосновал идею циклической смены гегемоний и неизбежности дезинтеграционных процессов по мере исчерпания возможностей американского лидерства [Валлерстайн, 2017]. Его последователь Дж. Арриги в работе «Долгий двадцатый век» развил концепцию системных циклов накопления, показав, как фазы материального внешнеэкономического наступления сменяются этапами финансовой экспансии и последующей фрагментации мировой экономики при смене гегемона [Арриги, 2006].

В современной дискуссии вопросы деглобализации поднимает У. Белло, который еще в 2004 г. в своей книге «Деглобализация: идеи для новой мировой экономики» предложил развернутую программу переориентации экономик на локальные рынки и восстановления национального суверенитета [Bello, 2004]. Профессор Копенгагенской школы бизнеса Э. Ашби в своей монографии 2024 г. «Деглобализация» представляет анализ этого процесса как сложной реконфигурации мирового порядка, вводя понятие «технонацио-

нализма» в качестве ключевого драйвера современных тенденций [Ashbee, 2024].

Проблемы деглобализации также находятся в фокусе внимания китайских ученых: Цай То (蔡拓), основатель китайской школы глобальных исследований, в своей книге 2023 г. «Теория космополитизма и ее современная ценность» [Цай, 2023] анализирует мировую историю космополитической мысли, пытаясь преодолеть привычный «западоцентризм»; Ван Ивэй (王义桅), директор Института международных отношений Народного университета Китая, продвигает идеи «параллельного развития» и необходимости формирования открытого регионализма в условиях фрагментации глобальной экономики [Ван, 2021].

В российском исследовательском поле теоретические вопросы поиска оптимальной модели глобального развития также сохраняют высокую актуальность. Методологические аспекты системного анализа общественных (в том числе международных) отношений применительно к глобализации мировой экономики разрабатывает коллектив под руководством А.С. Булатова [Новые тренды в экономической глобализации, 2023; Перспективы экономической глобализации, 2019]. Проблемами экономического роста современной Азии и вопросами развития постбиполярного мира занимается коллектив ученых МГИМО МИД России, включающий Т.М. Исаченко, Л.С. Ревенко, И.Н. Платонову и др. [Новая парадигма развития..., 2022; Современные международные экономические отношения..., 2020]. Эти ученые-международники указывают на необходимость формирования полноценной постбиполярной системы, в которой хозяйствуют многочисленные акторы, а центр экономической активности окончательно смещен от Запада к Востоку. В противовес им с 2021 г. ряд исследователей начали говорить о неполном преодолении принципов биполярности и, как следствие, о начале формирования «новой биполярности», где США и Китай выступают как два полюса, вокруг которых выстраиваются все остальные экономики [Дегтерев, 2021; Михеев, 2021]. Вопрос о том, что будет представлять собой глобальная экономическая архитектура в будущем — равноценный диалог многочисленных центров силы или же фрагментированное сотрудничество между американской и китайской экономиками (концепции *Pax Americana* или же *Pax Sinica* [Меркулов, 2019]) и примкнувшими к ним партнерами, — остро стоит на повестке дня со второго десятилетия XXI в.

Перспективы глобализации с акцентом на повышении роли восточных государств активно исследуют такие российские экономисты-международники, как А.В. Кузнецов [Кузнецов, 2025], П.П. Яковлев [Яковлев, 2024], О.О. Комолов [Комолов, 2018]. Все они приходят к выводу о том, что неолиберальная модель глобализации находится в глубоком кризисе именно из-за роста благосостояния в незападном мире, который делает невозможным сохранение прежних асимметричных отношений. Важные размышления об особенностях функционирования незападных экономик содержатся в коллективном труде «Экономические системы незападных стран» [Экономические системы незападных стран, 2025], а также в работах Д.А. Дегтерева [Дегтерев, 2021] и А.Д. Воскресенского [Восток и политика..., 2015], исследующих политическую и экономическую специфику восточных обществ. Понимание этой специфики становится критически важным для прогнозирования того, по каким правилам будет выстраиваться взаимодействие между развитым и развивающимся миром в новых условиях, в которых прежние модели утратили эффективность, а новые еще только складываются в процессе геоэкономического и геополитического противостояния.

В данной статье предпринимается попытка ответить на вопрос: присутствуют ли в мировой экономике тенденции к формированию новой «основной» модели развития или же американо-китайское противостояние пока не привело к выработке функциональной альтернативы, оставляя мировую экономику в состоянии «управляемой фрагментации»?

**Деглобализация как новая реальность:
от «периферийного капитализма»
к «управляемой фрагментации»**

Феномен деглобализации, еще десятилетие назад воспринимавшийся как маргинальная гипотеза или концепт антиглобалистского дискурса, к середине 2020-х гг. превратился в доминирующий тренд развития мировой экономики, фиксируемый как на уровне макростатистики, так и в трансформации стратегий ключевых акторов. Под деглобализацией в данном контексте понимается не полный отказ от международного экономического взаимодействия, а качественное изменение его характера: сокращение трансграничных потоков товаров, услуг, капитала и технологий в мировом ВВП, фраг-

ментация глобальных цепочек добавленной стоимости, регионализация торговых связей и возврат производств под национальную юрисдикцию. Если глобализация эпохи 1990–2010-х гг. базировалась на оптимизации издержек путем выноса производств в страны с дешевой рабочей силой, то для деглобализации свойственна идея о превосходстве соображений безопасности, устойчивости и суверенитета над чистой экономической эффективностью. По данным Всемирной торговой организации (ВТО), после 2010 г. в мире на 2% увеличилась доля чистого национального производства в мировом ВВП при сокращении доли простых цепочек добавленной стоимости на 1%, а сложных — на 2% [приводится по: Комолов, 2018: 51]. Это означает, что процессы фрагментации уже не просто прогнозируются, а объективно фиксируются статистикой национальных счетов и международной торговли.

Ключевой причиной разворота глобализационного тренда стало фундаментальное перераспределение экономического веса в пользу государств Глобального Юга, где проживает свыше 85% населения планеты³. Доля G7 в мировом ВВП по паритету покупательной способности опустилась ниже 30%, тогда как удельный вес стран БРИКС, напротив, вырос до 35%⁴. Параллельно с этим Азия трансформировалась из периферийного региона в центр генерации технологий и новых регуляторных норм. В сложившихся условиях прежняя модель «периферийного капитализма» [Комолов, 2018; Пребиш, 1992], при которой развивающиеся страны выполняли функции сырьевых придатков и сборочных цехов, утратила свою силу.

Китай стал не только крупнейшим экспортером товаров, но и лидером в критических технологических сегментах: производстве солнечных панелей, литиевых аккумуляторов, редкоземельных магнитов и пр. [см. подробнее: Заклязьминская, 2024]. Это качественное изменение позиционирования государств Глобального Юга создало для Запада ситуацию стратегической зависимости, которая ранее считалась невозможной. Если в XX в. развивающиеся страны не могли обходиться без западных технологий и рынков капитала, то к 2020-м гг. западные экономики оказались в критической зависи-

³ Бордачев Т. Азия, Евразия и европейский кризис: итоги 2022 года // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 04.01.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/aziya-evraziya-i-evropeyskiy-krizis/> (дата обращения: 05.04.2026).

⁴ BRICS vs. the G7 // The Globalist. 23.20.2024. URL: <https://www.theglobalist.com/brics-brics-g7-economy-population-just-the-facts/> (accessed: 05.04.2026).

мости от азиатских производителей промежуточной и даже конечной продукции — от антибиотиков до чипов и аккумуляторов для электромобилей [см. подробнее: Луконин, Заклязьминская, 2020].

Институциональным выражением трансформации глобальной экономики стал кризис Бреттон-Вудских структур, исторически формировавшихся в условиях западного доминирования в регулировании международных экономических отношений. В ВТО это проявилось в утрате переговорной функции: Дохийский раунд не был завершён из-за разногласий между развитыми и развивающимися странами по вопросам сельскохозяйственных субсидий и доступа на рынки [см. подробнее: Икромов, 2023]. С 2019 г. к этому добавилась блокировка Апелляционного органа из-за невозможности назначения новых судей⁵, что фактически лишило организацию механизма разрешения споров.

МВФ сталкивается с кризисом доверия со стороны государств Глобального Юга, где традиционная модель кредитования, основанная на требованиях бюджетной экономии, утратила свою популярность. Дополнительным фактором стала политизация финансовых потоков: заморозка российских золотовалютных резервов в 2022 г.⁶ продемонстрировала риски одностороннего использования долларовых инструментов, что стимулировало создание альтернативных механизмов, включая Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития БРИКС и расширение двусторонних расчётов в национальных валютах.

Пандемия COVID-19 стала катализатором перехода деглобализации в активную фазу, обнажив критическую зависимость мировой экономики от азиатских производственных центров. Разрыв глобальных цепочек поставок высветил уязвимость модели, основанной исключительно на сравнительных преимуществах, заставив Запад осознать риски чрезмерной концентрации производств за пределами своей юрисдикции.

Поскольку издержки такой зависимости стали неприемлемыми для национальной безопасности и экономической устойчивости,

⁵ США в 81-й раз заблокировали работу органа ВТО по урегулированию споров // Альта-софт. 26.11.2024. URL: https://www.alt.ru/external_news/114960/ (дата обращения: 05.04.2026).

⁶ Сало И. Золотовалютные резервы: что это и как они влияют на экономику России // РБК. 01.11.2025. URL: <https://www.rbc.ru/base/01/11/2025/690363079a794716558a8840> (дата обращения: 05.04.2026).

западные державы перешли к политике целенаправленного демонтажа глобальных цепочек и их переформатирования в региональные и блоковые структуры. Инструментами этой политики выступают три взаимосвязанных процесса: рещоринг (возврат производств на национальную территорию), ниаршоринг (перенос производств в соседние, географически близкие страны) и френдшоринг (перенос производств в государства, рассматриваемые как союзные в политическом и военном отношении) [см. подробнее: Кузнецов, 2025: 7].

Эскалация американо-китайского противостояния в 2025 г., актуализированная после возвращения Д. Трампа к власти, придала этим тенденциям дополнительный импульс и качественно новую динамику. Администрация США перешла от политики «честной торговли» (*fair trade*) к принудительному переформатированию торговых потоков. Практически все азиатские партнеры (за исключением КНР) были вынуждены принять предложенные условия: они не только согласились на масштабные закупки американской продукции, зачастую превышающие их внутренние потребности, но и взяли обязательства по ускоренным инвестициям в экономику США. И если, например, для Узбекистана они исчисляются 35 млрд долл. в течение ближайших 3 лет⁷, то для Евросоюза эта сумма составила 600 млрд долл.⁸ Подобные вынужденные соглашения свидетельствуют лишь о том, что за счет прежних драйверов и «ренты гегемона» экономика Соединенных Штатов уже расти не может. Одновременно Вашингтон ужесточает технологические ограничения против КНР: расширяет список компаний, включенных в санкционные списки, вводит запреты на поставку передовых чипов и оборудования для их производства, оказывает давление на союзников — Нидерланды («ASML»), Японию («Tokyo Electron»), Тайвань («TSMC») — в целях блокировки доступа Китая к критическим технологиям [см. подробнее: Заклязьминская, 2024].

Пекин со своей стороны отвечает форсированным импортозамещением в полупроводниковой сфере: в мае 2024 г. был основан «Национальный инвестиционный фонд развития индустрии инте-

⁷ Трамп: Узбекистан планирует вложить \$35 млрд в экономику США за три года // Коммерсантъ. 07.11.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8181752> (дата обращения: 05.04.2026).

⁸ Боровикова К. Торговая война закрывает второй фронт // Коммерсантъ. 27.07.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7923156> (дата обращения: 05.04.2026).

гральных схем (3-я фаза)» с уставным капиталом в 344 млрд юаней⁹, компания «SMIC» освоила производство чипов по технологическому процессу 7 нм (хотя ограничения на поставки литографического оборудования со стороны «ASML» сохраняются), активно развиваются программы рекрутинга зарубежных специалистов и поддержки отечественных производителей [Заклязьминская, 2024]. Параллельно Китай расширяет экономическое взаимодействие со странами Глобального Юга в рамках инициативы «Пояс и путь» (ИПП). Только в 2025 г. инвестиции КНР в страны, участвующие в этом мегапроекте, составили около 40 млрд долл., рост по сравнению с 2024 г. достиг 17,6%¹⁰. Тем самым Пекин демонстрирует намерение в кратчайшие сроки максимально углубить экономический диалог с этой группой стран.

В текущих условиях государства — члены АСЕАН и другие страны Юго-Восточной Азии оказываются в логике вынужденного лавирования между двумя центрами силы. С одной стороны, доступ на китайский рынок остается критически важным: по итогам 2025 г. объем торговли Китая с АСЕАН достиг рекордных 1,05 трлн долл., увеличившись на 7,4% по сравнению с 2024 г.¹¹ С другой стороны, американские технологии и инвестиции (приток последних из США в страны АСЕАН в 2024 г. составил 42 млрд долл.¹²) требуют принятия жестких стандартов и ограничений в сотрудничестве с КНР. Приведем пример Малайзии: государство одновременно привлекает инвестиции в развитие центров обработки данных и искусственного интеллекта (ИИ) от американских «Google», «Microsoft» и «Nvidia», а завод «Boeing Composites Malaysia» производит компоненты для самолетов «Boeing», но при этом Китай остается его крупнейшим торговым партнером и стороны реализуют Пятилетнюю программу экономического и торгового сотрудничества, рассчитанную вплоть

⁹ 注册资本3440亿，国家大基金三期成立 // 界面快报. 27.05.2024. URL: <https://www.jiemian.com/article/11216479.html> (дата обращения: 05.04.2026). (На кит. яз.)

¹⁰ 2025年我国对共建“一带一路”国家投资合作情况 // 商务部网站. 30.01.2026. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/ORTQ10T5.html> (дата обращения: 05.04.2026). (На кит. яз.)

¹¹ Главное таможенное управление КНР. URL: <http://stats.customs.gov.cn/> (дата обращения: 05.04.2026). (На кит. яз.)

¹² ASEAN investment report 2025: foreign direct investment and supply chain development // The Association of Southeast Asian Nations. October 2025. URL: <https://asean.org/book/asean-investment-report-2025-foreign-direct-investment-and-supply-chain-development/> (accessed: 05.04.2026).

до 2028 г.¹³ Аналогичная картина наблюдается во Вьетнаме, Таиланде, Индонезии, что заставляет эти государства применять сложные техники балансирования.

Однако пространство для такого маневра неуклонно сжимается. 27 августа 2025 г. США ввели импортные пошлины в размере 50% на ряд индийских товаров (предметы одежды и текстиль, драгоценные камни и ювелирные изделия, обувь, спортивные товары, мебель, а также некоторые виды химикатов) в отместку за покупку Нью-Дели российской нефти¹⁴. В 2025 г. российские компании поставили в Индию почти 85 млн т нефти (на 5% меньше, чем в 2024 г.). Доля российского сырья в индийском импорте составила 32,3%¹⁵. Объемы поставок топлива из РФ в первой половине года были сопоставимы с экспортом в КНР. Индия, до этого успешно балансировавшая между Западом и Россией с Китаем, оказалась перед жестким выбором: либо сокращать выгодный импорт, либо терять преференциальный доступ на американский рынок. Вашингтон последовательно реализует стратегию, направленную на принуждение союзников и партнеров к однозначной блоковой идентификации.

Ярким и репрезентативным проявлением деглобализационных процессов выступает финансовая фрагментация. Дедолларизация расчетов приобретает структурный характер: по итогам 2025 г. доля расчетов, например, у Китая с Россией в рублях и юанях составила 99,1%¹⁶. Транзакционный объем китайской системы CIPS в 2024 г. достиг 175,5 трлн юаней с годовым приростом в 43%¹⁷. Формиро-

¹³ Joint Statement Between the People's Republic of China and Malaysia on Building a High-level Strategic China-Malaysia Community with a Shared Future // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 17.04.2025. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zy/gb/202504/t20250417_11595814.html#:~:text=12.,and%20further%20synergise%20development%20strategies (accessed: 05.04.2026).

¹⁴ Карпов А. «Моди почувствовал себя оскорбленным»: США ввели против Индии пошлины в 50% за покупку нефти из РФ // Газета.ru. 27.08.2025. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2025/08/27/21597770.shtml> (дата обращения: 05.04.2026).

¹⁵ Красовская Е. Индия в 2025 году увеличила импорт нефти на 6%, но доля российской нефти упала // Нефть и Капитал. 25.02.2026. URL: <https://oilcapital.ru/news/2026-02-25/indiya-v-2025-godu-velichila-import-nefti-na-6-no-dolya-rossiyskoj-nefti-upala-5555829> (дата обращения: 05.04.2026).

¹⁶ Доля расчетов РФ и КНР в нацвалютах превысила 99 проц. — министр финансов РФ // Синьхуа Новости. 04.11.2025. URL: <http://russian.news.cn/20251104/080dca4415104d37b713c36671d2a411/c.html> (дата обращения: 05.04.2026).

¹⁷ Cross-Border Interbank Payment System (CIPS). URL: <https://www.cips.com.cn/en/index/index.html> (accessed: 05.04.2026).

вание параллельных платежных экосистем объективно подрывает монопольное положение SWIFT и доллара США в системе международных расчетов.

Таким образом, азиатское геоэкономическое пространство вступает в фазу системной фрагментации, что естественным образом отражается на логике и динамике интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Конкурирующие проекты региональной интеграции в АТР: между китайской и американской моделями экономического роста

Интеграционные блоки, которые создавались для сдерживания противоречий и связывания стран взаимными интересами, всё чаще становятся полем геоэкономической борьбы. Принципы «честной торговли» отступают перед задачами обеспечения национальной безопасности и технологической независимости. В такой логике идея «интеграции интеграций» — последовательного сращивания региональных объединений в единое глобальное целое — теряет как теоретический, так и практический смысл.

Кризис прежней модели особенно нагляден в Азии. В отличие от ЕС, прошедшего путь от зоны свободной торговли (ЗСТ) к валютному союзу, в Восточной и Юго-Восточной Азии интеграция остановилась на первом из этих этапов. Как отмечает Д.З. Икромов [Икромов, 2023], за пределами Евросоюза ни одно объединение не прошло полный цикл. В АТР ситуация усложняется сразу двумя факторами: колоссальным разрывом в уровнях развития (достаточно сравнить Сингапур и Мьянму) и наложением американо-китайского противостояния на любые интеграционные инициативы.

В итоге вместо движения к «интеграции интеграций» наблюдается умножение параллельных структур, которые скорее разграничивают экономическое пространство на противоборствующие блоки, нежели способствуют его объединению.

Показательна эволюция мегарегиональных соглашений, которые из ступеней к глобальному единству превратились в инструменты блокового размежевания. Подписанное в 2020 г. Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), объединившее 15 стран с совокупным ВВП около 29 трлн долл., стало кульминацией китайской стратегии по созданию альтернативной торговой

архитектуры, ориентированной на азиатские стандарты и правила. ВРЭП охватывает 2,3 млрд человек и 28% глобальной торговли¹⁸, закрепляя за Китаем роль системообразующего ядра региональной экономики. В противовес ему сформировалось Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВПСТТП) — наследник Транстихоокеанского партнерства (ТПП), из которого США вышли в 2017 г., передав фактическое лидерство Японии [см. подробнее: Заклязьминская, Зуенко, 2025]. В результате регион оказался разделен на два мегаблока, функционирующих на основе несовместимых стандартов. Это создает структурные препятствия для формирования единого экономического пространства от западного побережья США до восточных границ Китая и окончательно снимает с повестки дня перспективу «интеграции интеграций» в АТР.

Параллельно с классическими торговыми соглашениями формируются «рыхлые» зонтичные структуры, ориентированные на координацию политик, а не на либерализацию тарифов. Для Китая такой структурой выступает ИПП, запущенная в 2013 г. и к началу 2026 г. охватившая более 150 государств. Совокупный объем инвестиций в рамках инициативы к настоящему времени достиг 1,4 трлн долл.¹⁹, при этом значительные суммы пришлось на транспортные коридоры, включая трансграничную железную дорогу «Китай–Лаос», высокоскоростную магистраль «Джакарта–Бандунг» в Индонезии, порты Гвадар в Пакистане, Хамбантога в Шри-Ланке, Пирей в Греции и др. [Национальные и международные стратегии..., 2020]. Несмотря на выход Италии из состава участников ИПП в декабре 2023 г.²⁰ (первой и единственной страны G7, присоединившейся к проекту), Пекин продолжает наращивать инвестиции в энергетику и цифровую инфраструктуру, закрепляя зависимость стран Глобального Юга от

¹⁸ Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP): can it be a game changer // Socio-Economic Research Centre. 27.08.2021. URL: [https://www.accimserc.com/images/researchpdf/2020/20201123%20RCEP%20\(Updated%20on%2020210827\).pdf](https://www.accimserc.com/images/researchpdf/2020/20201123%20RCEP%20(Updated%20on%2020210827).pdf) (accessed: 05.04.2026).

¹⁹ 13年暗度陈仓！中国用2135亿美元投资打破美国关税围堵，万亿顺差背后是150国的信任投票 // Baidu. 19.01.2026. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1854749387172106437&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 05.04.2026). (На кит. яз.)

²⁰ McCarthy S. Italy quits Belt and Road plan as Europe rethinks China relations // CNN. 08.12.2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/12/08/china/italy-belt-and-road-eu-china-summit-intl-hnk> (accessed: 05.04.2026).

китайских стандартов. Уже в 2020 г. более 70% всех базовых станций 4G в Африке принадлежали китайской корпорации «Huawei»²¹.

США, осознав стратегический просчет с выходом из ТТП, инициировали в 2022 г. создание аналогичного «рыхлого» блока — Индо-Тихоокеанской экономической структуры для процветания (ИТЭС; The Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity, IPEF), объединившей 14 стран с совокупной долей 40% мирового ВВП. Принципиальное отличие ИТЭС от предшествующих соглашений заключается в отказе от тарифной либерализации в пользу фокусировки на гармонизации стандартов по четырем направлениям: справедливая торговля (цифровые стандарты, защита интеллектуальной собственности), устойчивость цепочек поставок (создание механизма раннего оповещения о сбоях), чистая энергетика (в целях сокращения выбросов CO₂ в атмосферу на 50% к 2030 г.) и борьба с коррупцией²². По сути, Вашингтон делает ставку не на открытие рынков, а на экспорт регуляторных норм, формируя «клуб по интересам», доступ в который для других акторов, прежде всего для Китая, будет затруднен.

ВРЭП и ИТЭС представляют собой не столько шаги к глобальной интеграции, сколько альтернативные проекты, каждый из которых претендует на роль ядра будущей, но уже фрагментированной мировой экономики.

Позиция третьих стран в этой конфигурации становится всё более сложной. Индия, балансируя между стратегическим партнерством с США и экономической связанностью с Китаем (двусторонний товарооборот в 2025 г. достиг рекордных 155,6 млрд долл.²³), выбрала селективное участие. Нью-Дели присоединился к трем из четырех направлений ИТЭС, отказавшись от торгового блока ввиду чувствительности аграрного сектора и опасений за цифровой

²¹ 非洲“支付宝”和手机野蛮生长 // 界面. 24.05.2023. URL: <https://www.jiemian.com/article/9455026.html> (дата обращения: 05.04.2026.). (На кит. яз.)

²² Cimino-Isaacs C.D., Kitamura K.H., Manyin M.E. Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF) // Library of Congress. Congressional Research Service. 22.07.2024. URL: https://www.congress.gov/crs_external_products/IF/PDF/IF12373/IF12373.10.pdf (accessed: 05.04.2026).

²³ Laskar R.H. India-China trade reached 'record high' of \$155.6 billion in 2025: Chinese envoy // Hindustan Times. 04.02.2026. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/indiachina-trade-reached-record-high-of-155-6-billion-in-2025-chinese-envoy-101770145392884.html> (accessed: 05.04.2026).

суверенитет и сохранив статус наблюдателя в отношении ВРЭП²⁴. Остальные страны АСЕАН оказались в ловушке: для них ВРЭП — это реальный выход на китайский рынок, тогда как ИТЭС — это доступ к технологиям и инвестициям Соединенных Штатов при условии принятия жестких американских стандартов. Лавирование становится единственно возможной стратегией, однако ее эффективность снижается по мере ужесточения требований Вашингтона.

Возвращение Д. Трампа в Белый дом в 2025 г. придало деглобализационным тенденциям дополнительный импульс. Главным инструментом стали двусторонние соглашения, которые США заключали с ключевыми партнерами в 2025–2026 гг. (Японией, ЕС, Тайванем, Индией, Узбекистаном и др.). Соглашения напрямую не ограничивают сотрудничество партнеров с Китаем, однако они вполне могут рассматриваться как полноценные инструменты геоэкономической войны, поскольку основным направлением работы переговорщиков стало «не ослабление экономики противника, а усиление собственной экономики и максимальное повышение ее конкурентоспособности» [Чёрная, 2015: 36].

В итоге формируются две параллельные экономические экосистемы, а страны Глобального Юга — особенно АСЕАН — оказываются в положении маневрирующих между центрами, утрачивая влияние на то, по каким правилам будет строиться международная торговля.

Технонационализм и «периферийный капитализм»: новая логика технологической конкуренции

Западные державы в постбиполярный период (после 1991 г.) и на этапе интеграции КНР в ВТО в 2001 г. исходили из ошибочной предпосылки о незыблемости своего конкурентного преимущества — генерации технологических инноваций и фундаментальных научных знаний. Доминировало представление о том, что незападные экономики в силу институциональных и социокультурных особенностей не способны овладеть сложными компетенциями в сфере создания передовых технологий²⁵. Соответственно перенос сборочных про-

²⁴ Bhardwaj N. Everything you need to know about the Indo-Pacific Economic Framework (IPEF) // India Briefing. 09.09.2022. URL: <https://www.india-briefing.com/news/everything-you-need-to-know-about-the-indo-pacific-economic-framework-25141.html/> (accessed: 05.04.2026).

²⁵ Owens M.T. The end of strategic happy talk? // FPRI. 01.09.2012. URL: <https://www.fpri.org/article/2012/09/the-end-of-strategic-happy-talk/> (accessed: 05.04.2026).

изводств на их территорию не рассматривался как угроза утраты технологического лидерства Запада. Однако реальная ситуация опровергла все теоретические построения.

КНР вопреки западным ожиданиям взяла курс на форсированное укрепление своего технологического суверенитета. Государством была разработана и последовательно реализуется комплексная национальная программа инновационного развития, имеющая долгосрочный горизонт планирования до 2050 г. Стратегической целью программы провозглашено превращение Китая в ведущую мировую научно-техническую державу. На первом этапе реализации (2006–2020) планировалось довести долю расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) до 2,5% ВВП и сократить зависимость от иностранных технологий и высокотехнологичных компонентов до 30%. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что КНР в целом достигла намеченных ориентиров, хотя и с незначительным опозданием. Фактическая доля расходов на НИОКР в ВВП в контрольные точки реализации программы несколько уступала плановым показателям: в 2010 г. — 1,76% (при плане 2%), в 2015 г. — 2,07% (при плане 2,2%), в 2020 г. — около 2,4% (при плане 2,5%)²⁶.

По состоянию на 2022 г. относительный показатель расходов на НИОКР в КНР (2,56% ВВП) уступал среднемировому уровню (2,67%) и существенно отставал от технологически развитых государств: Республики Корея (5,21%), Японии (3,41%), Германии (3,13%) и США (3,59%)²⁷. Однако анализ абсолютных величин, скорректированных по паритету покупательной способности, демонстрирует принципиально иную динамику: Китай инвестирует в научные исследования больше, чем Япония и Германия в совокупности, уступая по данному показателю лишь США, причем разрыв неуклонно сокращается.

В ответ на обострение американо-китайских торговых противоречий и постпандемийные вызовы китайским руководством был взят курс на ускоренную инновационную трансформацию национальной экономики. Объем затрат КНР на НИОКР демонстрирует стремительный рост: преодолев отметку в 1 трлн юаней в 2012 г.

²⁶ Государственное статистическое управление КНР. URL: <https://www.stats.gov.cn/> (дата обращения: 05.04.2026). (На кит. яз.)

²⁷ Research and development expenditure (% of GDP) // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS> (accessed: 05.04.2026).

и 2 трлн в 2019 г., к 2022 г. показатель достиг 3 трлн, а в 2025 г. вплотную приблизился к 4 трлн юаней²⁸. Для научных организаций и промышленных предприятий установлены директивные ориентиры по разработкам, фиксируемые в пятилетних планах и специализированных отраслевых программах. Подобная мобилизационная модель планирования, ориентированная на преодоление критических уязвимостей (микроэлектроника, авиадвигателестроение, станкостроение), обеспечивает последовательное наращивание технологического суверенитета КНР, снижая ее чувствительность к внешнему давлению [Заклязьминская, 2022].

В США, напротив, долгие годы наблюдалась противоположная динамика. Доля бюджетных ассигнований на НИОКР в структуре расходов федерального бюджета сократилась с 11,8% в 1970 г. до 3,7% в 2015 г., причем в гражданском секторе падение было более выраженным: с 5,9 до 1,8%. Исследователи фиксируют крайне низкие темпы увеличения расходов на НИОКР: с 1970-х гг. среднегодовой прирост составлял всего 0,004% [Комолов, 2018: 57]. Только с начала системной конфронтации США с КНР в 2016 г. Вашингтон приступил к наращиванию «научных» расходов. Вложения в НИОКР впервые со времен холодной войны превысили показатели 1964 г. в 2,79% ВВП и продолжают неуклонно расти²⁹, что позволяет сделать вывод о начале полномасштабной «технологической гонки» между двумя державами.

В условиях эскалации американо-китайского противостояния динамика технологического развития КНР демонстрирует устойчивую тенденцию к сокращению инновационного разрыва с США, что объективно ведет к утрате последними конкурентных преимуществ. Реагируя на данный структурный сдвиг, Вашингтон избирает в качестве доминирующей стратегии сохранения гегемонии применение инструментов экономического принуждения в отношении Китая. Указанная стратегия реализуется через попытки реинституционализации зависимого положения китайской экономики в логике обновленной модели «периферийного капитализма», предполагающей закрепление за КНР роли технологически зависимого актора и блокирование ее доступа к критическим инновациям.

²⁸ 从0.44个百分点看科技创新“加速度” // 人民日报. 10.02.2026. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202602/content_7057567.htm (дата обращения: 05.04.2026). (На кит. яз.)

²⁹ Research and development expenditure (% of GDP)...

Однако эффективность данной стратегии снижается по мере сокращения Китаем технологического разрыва. Совокупная зависимость страны от иностранных технологий и высокотехнологичных компонентов уменьшилась с 64,2% в 2006 г. до 31,8% в 2019 г.³⁰ Показательна динамика снижения доли предприятий с иностранным участием во внешнеторговом обороте КНР: в импорте их доля сократилась с 53% в 2010 г. до 35,1% в 2022 г., в экспорте — с 55 до 31,5% [Кузнецов, 2025: 10], что свидетельствует об углублении процессов импортозамещения и возрастании роли национального технологического потенциала.

Китай достиг паритета с США в атомных технологиях и космической сфере, а по ряду направлений зафиксировано опережение. К числу последних относятся телекоммуникационное оборудование, ИИ, квантовые вычисления, высокоскоростной железнодорожный транспорт, возобновляемая энергетика и бытовая электроника [см. подробнее: Заклязьминская, 2022].

Вместе с тем сохраняется критическая зависимость: потребность КНР в импортных технологиях в полупроводниковой сфере оценивается приблизительно в 90%³¹. Наиболее уязвимой позицией остается литографическое оборудование для производства передовых чипов (технологического процесса менее 7 нм), где сохраняется монополия нидерландской «ASML», деятельность которой подпадает под экспортные ограничения, инициированные США. Китаю удалось освоить технологию производства 7-нм-чипов, однако масштабировать выпуск до промышленных объемов пока не представляется возможным из-за острой нехватки профильного литографического оборудования.

Осознавая данное обстоятельство, Вашингтон формирует сеть технологических альянсов для консолидации лидерства за счет союзников, мониторинга ситуации в критических секторах и предотвращения сближения партнеров с КНР. Ключевую роль в этой стратегии играет созданный по инициативе американской администрации альянс «Chip 4» (США, Япония, Южная Корея и Тайвань), наце-

³⁰ 高培勇：中国对外贸易依存度腰斩式变化 2019年降为31.8% // 新浪财经. 28.11.2020. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1684578280030038123&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 05.04.2026). (На кит. яз.)

³¹ 国产电动汽车拿下全球66%市场，但90%芯片仍依赖进口！ // 新浪财经. 20.10.2024. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1813408285318889118&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 05.04.2026). (На кит. яз.)

ленный на координацию политики в полупроводниковой отрасли и создание барьеров для доступа Китая к передовым технологиям³². В декабре 2025 г. была инициирована программа «Кремниевый мир» («Pax Silica») с участием Японии, Южной Кореи, Сингапура, Нидерландов, Австралии, Израиля, ОАЭ и Великобритании³³. В марте 2026 г. рассматривались новые правила экспортного контроля, требующие разрешений для «практически всех» ИИ-ускорителей³⁴. В авиастроении США в мае 2025 г. приостанавливали экспорт двигателей для китайского коммерческого лайнера «Сомас С919», сорвав производственный план на 2025 г.³⁵

Конфронтация между двумя державами в сфере технологического суверенитета будет сохранять устойчивый характер. В орбиту данного противостояния вовлечено большинство государств мира — через участие в санкционных режимах, присоединение к конкурирующим альянсам либо вынужденную реконфигурацию логистических цепочек. Сфера противоборства будет расширяться, охватывая новые секторы: от квантовых вычислений и биотехнологий до освоения космического пространства и глубоководной добычи полезных ископаемых.

Политика технонационализма, проводимая КНР в ответ на санкционное давление Запада и в целях обеспечения технологического суверенитета, объективно ведет к закреплению фрагментации глобального технологического пространства, т. е. именно той тенденции, преодолеть которую она была призвана. Форсированное импортозамещение и многомиллиардные инвестиции в НИОКР позволяют Пекину сокращать разрыв с Западом, но одновременно закрепляют изоляцию страны в рамках технологической экосистемы, альтернативной американоцентричной. В результате технонационализм перестает быть инструментом догоняющего развития

³² Naik S. CHIPS Act 2.0: strengthening the Chip 4 alliance or driving it apart? // Indo-Pacific Studies Center. URL: <https://www.indo-pacificstudiescenter.org/commentaries/chips-act-chip4-alliance> (accessed: 05.04.2026).

³³ Pax Silica // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/pax-silica> (accessed: 05.04.2026).

³⁴ Greenberg K., Rennie A. New export rules could be coming for AI chipmakers' sales // Yahoo Finance. 06.03.2026. URL: <https://finance.yahoo.com/news/export-rules-could-coming-ai-213105977.html> (accessed: 05.04.2026).

³⁵ Сархьянц К. США прекратили поставки двигателей для новейшего китайского лайнера С919 // Коммерсантъ. 02.06.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7774540> (дата обращения: 05.04.2026).

и превращается в фактор структурирования биполярного технологического пространства. Для государств Глобального Юга это означает утрату возможности многовекторного технологического развития и вынужденный выбор между двумя центрами силы, каждый из которых предлагает не просто доступ к технологиям, а принятие целостной системы стандартов.

* * *

Современная международная система стремительно меняется, сталкиваясь с растущим числом непредсказуемых вызовов — «черных лебедей» и системных рисков — «серых носорогов» [см. подробнее: Ломанов, 2023]. Азиатский регион, ставший новым центром мировой экономики и политики, оказывается ключевым источником как возможностей, так и дисбалансов глобализации.

На протяжении трех десятилетий после окончания холодной войны развивающиеся страны стояли перед выбором модели экономического роста. Они либо принимали условия «Вашингтонского консенсуса», открывая рынки и минимизируя роль государства в обмен на интеграцию в глобальную экономику под эгидой Запада [см. подробнее: Williamson, 2004], либо, отвергая неолиберальную парадигму, оказывались на периферии мирового развития. Успех Китая продемонстрировал существование альтернативы, впоследствии концептуализированной как «Пекинский консенсус» [см. подробнее: Ramo, 2004].

«Вашингтонский консенсус» — неолиберальная модель, основанная на фискальной дисциплине, либерализации торговли, приватизации и дерегулировании. Государство рассматривалось как источник неэффективности, рынок — как саморегулирующийся механизм. Модель навязывалась странам Глобального Юга через механизмы МВФ и Всемирного банка, однако к 2000-м гг. обнаружила системные провалы: финансовая либерализация вела к кризисам, открытие рынков уничтожало местных производителей, а единые рецепты игнорировали национальную специфику [см. подробнее: Экономические системы незападных стран, 2025: 163–174].

«Пекинский (или Поствашингтонский) консенсус» предложил иную модель, где страна сохраняет контроль над стратегическими секторами, а рынок допускается под надзором партийного государства. Внешнеэкономическая стратегия носит избирательный характер: открытие ровно настолько, насколько необходимо для

доступа к технологиям, при защите внутреннего рынка. За основу процессов берется принцип постепенности, который позволяет избегать шоковой терапии [см. подробнее: Ramo, 2004].

К началу 2020-х гг. обе модели утратили статус универсальных, что дает повод говорить о наступлении глубокого «кризиса идей» в мировой экономике. «Вашингтонский консенсус» оказался подорван протекционистским поворотом самого Запада и кризисом доверия к глобальным институтам [см. подробнее: Rodrik, 2011]. Как отмечает Д. Родрик, фундаментальная «трилемма» глобализации делает невозможным одновременное достижение демократии, национального суверенитета и глубокой экономической интеграции, что вынуждает отдавать приоритет национальным интересам перед наднациональными правилами [Rodrik, 2011].

«Пекинский консенсус» в свою очередь столкнулся со структурными дисбалансами в экономике КНР и невозможностью поддерживать прежние темпы роста за счет сохранения экспортно ориентированной модели. Санкционное давление США, особенно в области микроэлектроники, обнажило пределы догоняющего развития Китая, где для продолжения поступательного роста требуются инновационные прорывы [см. подробнее: Заклязьминская, 2022].

Фундаментальной причиной «кризиса идей» в странах Запада в том числе выступает тектонический сдвиг в распределении глобальной экономической мощи. Однако утрата Глобальным Севером прежних гегемонистских позиций не тождественна формированию нового устойчивого миропорядка. Напротив, текущая фаза мирового развития характеризуется возрастанием роли стратегического выбора модели национального и наднационального роста. Представляется возможным выделить четыре базовых сценария, детерминирующих траекторию данного выбора.

Первый сценарий предполагает возвращение к выбору между двумя уже испытанными моделями социально-экономического устройства — «Вашингтонским» и «Пекинским» консенсусами.

Второй сценарий связан с углублением и усилением блоковой идентичности. Американский блок в АТР институционализируется через ИТЭС, ориентированную на стандарты. Евразийский блок (Китай и партнеры в странах Глобального Юга, члены Шанхайской организации сотрудничества, часть стран БРИКС+ и некоторые участники ИПП) базируется на физической связанности, либерализации торговли (через ВРЭП и прочие региональные ЗСТ) и расчетах

в нацвалютах. Большинство государств Глобального Юга стремятся избежать ситуации однозначного выбора, предпочитая политику «стратегической неопределенности».

Третий сценарий — поиск альтернативных моделей развития в странах не-Запада. Индия реализует стратегию селективного участия в ИТЭС при сохранении связей с БРИКС и Евразийским экономическим союзом. Индонезия придерживается «свободной и активной»³⁶ политики, стремясь извлекать выгоду из сотрудничества как с Китаем, так и с Западом. Саудовская Аравия в рамках «Vision 2030» совмещает китайские инвестиции, военный альянс с США и собственные финансовые институты³⁷. Однако ни один из обсуждаемых консенсусов, включая потенциально перспективный «Делийский», пока не демонстрирует способности стать полноценной альтернативой двум доминирующим моделям.

Четвертый сценарий — переход к «глобализации 2.0», принципиально отличной по своей структурной организации. Ее ключевая особенность заключается в отсутствии единого полюса силы и преодолении жесткого деления мира на «центр» и «периферию». В основе этой модели лежат не стремление к финансовой экспансии и не экономический рост как самоцель, а принципы устойчивого развития и приоритет социальной политики. Главная задача «Глобализации 2.0» видится в обеспечении справедливого развития в противовес универсалистским стандартам, ранее навязывавшимся Западом. Такая «многополярная глобализация» признает право на инаковость, допускает сосуществование различных укладов и асинхронность национального развития. Блоковые объединения в этой модели носят ситуативный характер и формируются под решение конкретных задач, а не под диктат единого гегемона³⁸.

На современном этапе ни один из стратегических выборов не реализовался в завершенной форме. Мировая система вступила в фазу постглобализма [см. подробнее: Flew, 2018] — переходного состояния, при котором прежние универсальные модели утратили

³⁶ Myers L. Indonesia's foreign policy under Prabowo: still free but more active? // The Diplomat. 19.03.2025. URL: <https://thediplomat.com/2025/03/indonesias-foreign-policy-under-prabowo-still-free-but-more-active/> (accessed: 05.04.2026).

³⁷ Saudi Vision 2030. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/en> (accessed: 05.04.2026).

³⁸ Кортунов А. Какой будет «Глобализация 2.0»? // Российский совет по международным делам. 19.03.2021. URL: <https://russianscouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kakoy-budet-globalizatsiya-2-0/> (дата обращения: 05.04.2026).

эффективность, а новая институциональная среда еще не сформировалась. Постглобализм, по мнению Т. Флю, не означает отказа от глобализации, но предполагает более сложную картину мира, где глобальные силы переплетаются с национальными интересами и политикой идентичности, что ученый определяет как «возвращение государства» (*return of the state*).

Для стран Глобального Юга постглобализм открывает окно возможностей, но ставит перед экзистенциальным выбором: присоединение к американскому блоку дает доступ к технологиям ценой уступки суверенитета, ориентация на Китай сулит инфраструктурное развитие, но несет скрытые риски (рост политической и экономической зависимости). Попытка построения автономных стратегий — наиболее сложный вариант, требующий внутренней консолидации и способности артикулировать собственное видение будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006.

2. Баран П.А. К экономической теории общественного развития. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.

3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. 2-е изд., испр. М.: Ленанд, 2017.

4. Ван Ивэй. Да бяньцзюй ся дэ Чжунго цзюэсэ [Роль Китая в условиях глобальных перемен]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2021. (На кит. яз.)

5. Войченко О.В. Арабский консенсус или непубличные пункты Вашингтонского консенсуса // Современные исследования социальных проблем. 2011. Т. 5, № 1. С. 106–110.

6. Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы / под ред. А.Д. Воскресенского; 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2015.

7. Дегтерев Д.А. Незападные теории развития в эпоху глобального капитализма // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 4. С. 113–122. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-113-122.

8. Заклязьминская Е.О. Геополитический треугольник «Россия — США — Китай» в условиях санкционного противоборства // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 7 (655). С. 57–71. DOI: 10.31857/S2686673024070055.

9. Заклязьминская Е.О. Позиции Китая в мировой гонке за доминирование в области высоких технологий // Афро-азиатские страны и новые

технологии — 2022 / отв. ред. Н.Н. Цветкова. М.: Институт востоковедения РАН, 2022. С. 32–48.

10. Заклязьминская Е.О., Зуенко И.Ю. Американская политика давления на Китай // «Пояс и путь» в Евразии. Новые вызовы и ответ Китая / под ред. Я.В. Лексютиной, Ю.В. Кулинцева. М.: ИКСА РАН, 2025. С. 15–38.

11. Икромов Д.З. Международная экономическая интеграция. М.: Юрайт, 2023.

12. Комолов О.О. Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации // Экономическое возрождение России. 2018. № 4 (58). С. 50–63.

13. Кузнецов А.В. Влияние деглобализации на фрагментацию мировой экономики // Мировая экономика и мировые финансы. 2025. Т. 4, № 2. С. 5–13. DOI: 10.24412/2949-6454-2025-0115.

14. Ломанов А.В. Предвидеть «лебеда», заметить «носорога» // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 1. С. 138–152. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-1-138-152.

15. Луконин С.А., Заклязьминская Е.О. Трансформация социально-экономической модели Китая в условиях пандемии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 6. С. 198–216. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-11.

16. Меркулов К.К. К вопросу о международном значении «китайской модели» реформ // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. Т. 24, № 24. С. 314–329. DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10018.

17. Михеев В.В., Луконин С.А. Второе столетие Коммунистической партии Китая и новая биполярность // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 7. С. 25–33. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-25-33.

18. Мосейкин Ю.Н., Охеда Кальюни Э., Мосейкина М.Н. Латинская Америка: от «Вашингтонского» к «Корнуоллскому консенсусу» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 3. С. 506–519. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-3-506-519.

19. Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2020.

20. Новая парадигма развития международных экономических отношений: вызовы и перспективы для России / под ред. Т.М. Исаченко, Л.С. Ревенко. М.: МГИМО-Университет, 2022.

21. Новые тренды в экономической глобализации / под ред. А.С. Булатова, Н.В. Галищевой, М.А. Максаковой. М.: Аспект Пресс, 2023.

22. Перспективы экономической глобализации / под ред. А.С. Булатова. М.: Кнорус, 2019.

23. Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М.: Восточная литература, 1998.

24. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА РАН, 1992.
25. Современные международные экономические отношения в эпоху постбиполярности / под ред. Т.М. Исаченко. М.: МГИМО-Университет, 2020.
26. Цай То. Шицзе чжуи лилунь цзи ци дандай цзячжи [Теория космополитизма и ее современная ценность]. Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 2023. (На кит. яз.)
27. Чёрная И.П. Геоэкономика: учебное пособие. М.: Дашков и К°, 2015.
28. Экономические системы незападных стран: учебное пособие / под ред. А.А. Габарты, Д.А. Дегтерева. М.: Аспект Пресс, 2025.
29. Яковлев П.П. Поликризис глобальной экономики: последствия для западных и незападных стран // Перспективы. Электронный журнал. 2024. № 1 (36). С. 7–22. DOI: 10.32726/2411-3417-2024-1-7-22.
30. Яковлев П.П. «Трампономика» и параметры глобальной нестабильности // Перспективы. Электронный журнал. 2017. № 1 (9). С. 5–19. URL: https://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/tramponomika_i_parametry_globalnoj_nestabilnosti_2016-12-26.htm (дата обращения: 05.04.2026).
31. Amin S. Unequal development: an essay on the social formations of peripheral capitalism. N.Y.: Monthly Review Press, 1976.
32. Ashbee E. Deglobalization. Newcastle upon Tyne: Agenda Publishing, 2024.
33. Bello W. Deglobalization: ideas for a new world economy. London; N.Y.: Zed Books, 2004.
34. Flew T. Post-globalisation // Javnost: The Public. 2018. Vol. 25, No. 1–2. P. 102–109. DOI: 10.1080/13183222.2018.1418958.
35. Frank A.G. Capitalism and underdevelopment in Latin America: historical studies of Chile and Brazil. N.Y.: Monthly Review Press, 1967.
36. Ramo J.C. The Beijing consensus. London: The Foreign Policy Centre, 2004.
37. Rodrik D. The globalization paradox: democracy and the future of the world economy. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2011.
38. Williamson J. The strange history of the Washington consensus // Journal of Post Keynesian Economics. 2004. Vol. 27, No. 2. P. 195–206.

REFERENCES

1. Arrighi, G. (1994) *The long twentieth century: money, power and the origins of four times*. London: Verso [Russ. edn: Arrighi, Dzh. (2006) *Dolgii dvadtsatyi vek: den'gi, vlast' i istoki nashogo vremeni*. Moscow: Territoriya budushchego Publ.].
2. Baran, P.A. (1957) *The political economy of growth*. N.Y.: Monthly Review Press [Russ. edn: Baran, P.A. (1960) *K ekonomicheskoi teorii obshchestvennogo razvitiya*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ.].

3. Wallerstein, I. (2004) *World-systems analysis: an introduction*. Durham, London: Duke University Press [Russ. edn: Vallerstain, I. (2017) *Mirosistemnyi analiz. Vvedenie*. 2nd edn. Moscow: Lenand Publ.].

4. Wang Yiwei (2021) *Da bianju xia de Zhongguo juese* [China's role in the context of great transformation]. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese.)

5. Voichenko, O.V. (2011) 'Arabskii konsensus ili nepublichnye punkty Vashingtonskogo konsensusa' [Arab consensus or non-public points of the Washington consensus], *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, 5(1), pp. 106–110. (In Russian.)

6. Voskresenskii, A.D. (ed.) (2015) *Vostok i politika: politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy* [The East and politics: political systems, political cultures, political processes]. 2nd edn. Moscow: Aspekt Press. (In Russian.)

7. Degterev, D.A. (2021) 'Nezapadnye teorii razvitiya v epokhu global'nogo kapitalizma' [Non-Western theories of development in the global capitalism era], *World Economy and International Relations*, 65(4), pp. 113–122. Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-113-122>. (In Russian.)

8. Zaklyaz'minskaya, E.O. (2024) 'Geopoliticheskii treugol'nik 'Rossiya — SShA — Kitai' v usloviyakh sanktsionnogo protivoborstva' [Geopolitical triangle 'Russia — USA — China' in the context of sanctions confrontation], *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, (7), pp. 57–71. Available at: <https://doi.org/10.31857/S2686673024070055>. (In Russian.)

9. Zaklyaz'minskaya, E.O. (2022) 'Pozitsii Kitaya v mirovoi gonke za dominirovanie v oblasti vysokikh tekhnologii' [China's positions in the global race for high-tech dominance], in N.N. Tsvetkova (ed.) *Afro-aziatskie strany i novye tekhnologii — 2022* [Afro-Asian countries and new technologies, 2022]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN Publ., pp. 32–48. (In Russian.)

10. Zaklyaz'minskaya, E.O. and Zuenko, I.Yu. (2025) 'Amerikanskaya politika davleniya na Kitai' [American pressure on China], in Ya.V. Leksyutina and Yu.V. Kulintsev (eds) *'Poyas i put' v Evrazii. Novye vyzovy i otvet Kitaya* [The Belt and Road Initiative in Eurasia: new challenges and China's response]. Moscow: IKSA RAN Publ., pp. 15–38. (In Russian.)

11. Ikromov, D.Z. (2023) *Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integratsiya* [International economic integration]. Moscow: Yurait Publ. (In Russian.)

12. Komolov, O.O. (2018) 'Deglobalizatsiya v kontekste mirovoi ekonomicheskoi stagnatsii' [Deglobalization in the context of global economic stagnation], *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, (4), pp. 50–63. (In Russian.)

13. Kuznetsov, A.V. (2025) 'Vliyanie deglobalizatsii na fragmentatsiyu mirovoi ekonomiki' [The impact of deglobalization on the fragmentation of the world economy], *World Economy and World Finance*, 4 (2), pp. 5–13. Available at: <https://doi.org/10.24412/2949-6454-2025-0115>. (In Russian.)

14. Lomanov, A.V. (2023) 'Predvidet' 'lebedya', zametit' 'nosoroga' [To foresee the 'swan', to notice the 'rhino'], *Russia in Global Affairs*, 21(1), pp. 138–152. Available at: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-1-138-152>. (In Russian.)

15. Lukonin, S.A. and Zaklyaz'minskaya, E.O. (2020) 'Transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskoi modeli Kitaya v usloviyakh pandemii' [Transformation of the socio-economic model of China in the context of a pandemic], *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 13(6), pp. 198–216. Available at: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-6-11>. (In Russian.)

16. Merkulov, K.K. (2019) 'K voprosu o mezhdunarodnom znachenii 'kitaiskoi modeli' reform' [On the international significance of the 'Chinese model' of reforms], *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 24(24), pp. 314–329. Available at: <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2019-10018>. (In Russian.)

17. Mikheev, V.V. and Lukonin, S.A. (2021) 'Vtoroye stoletie Kommunisticheskoy partii Kitaya i novaya bipolyarnost' [The second century of the Communist Party of China and the new bipolarity], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 65(7), pp. 25–33. Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-25-33>. (In Russian.)

18. Moseikin, Yu.N., Oheda Kal'yuni, E. and Moseikina, M.N. (2022) 'Latinskaya Amerika: ot 'Vashingtonskogo' k 'Kornuollskommu konsensusu' [Latin America: from the 'Washington' to the 'Cornwall' consensus], *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(3), pp. 506–519. Available at: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-3-506-519>. (In Russian.)

19. Mikheev, V.V. and Shvydko, V.G. (eds) (2020) *Natsional'nye i mezhdunarodnye strategii na indo-tikhookeanskom prostranstve: analiz i prognoz* [National and international strategies in Indo-Pacific: analysis and forecast]. Moscow: IMEMO RAN Publ. (In Russian.)

20. Isachenko, T.M. and Revenko, L.S. (eds) (2022) *Novaya paradigma razvitiya mezhdunarodnykh ekonomicheskikh otnoshenii: vyzovy i perspektivy dlya Rossii* [A new paradigm for the development of international economic relations: challenges and prospects for Russia]. Moscow: MGIMO-Universitet Publ. (In Russian.)

21. Bulatov, A.S., Galishcheva, N.V. and Maksakova, M.A. (eds) (2023) *Novye trendy v ekonomicheskoi globalizatsii* [New trends in economic globalization]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian.)

22. Bulatov, A.S. (ed.) (2019) *Perspektivy ekonomicheskoi globalizatsii* [Prospects of economic globalization]. Moscow: Knorus Publ. (In Russian.)

23. Portyakov, V.Ya. (1998) *Ekonomicheskaya politika Kitaya v epokhu Den Syaopina* [China's economic policy in Deng Xiaoping's era]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ. (In Russian.)

24. Prebisch, R. (1981) *Capitalismo periferico. Crisis y transformacion*. Mexico: Fondo de Cultura Economica [Russ. edn: Prebish, R. (1992) *Periferiinyi kapitalizm: est' li emu al'ternativa?* Moscow: ILA RAN Publ.].

25. Isachenko, T.M. (ed.) (2020) *Sovremennye mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya v epokhu postbipolyarnosti* [Modern international economic relations in the post-bipolar era]. Moscow: MGIMO-Universitet Publ. (In Russian.)

26. Cai Tuo (2023) *Shijie zhuyi lilun ji qi dangdai jiazhi* [Cosmopolitanism theory and its contemporary value]. Tianjin: Tianjin Renmin Chubanshe. (In Chinese.)

27. Chernaya, I.P. (2015) *Geoeconomika* [Geoeconomics]. Moscow: Dashkov i K° Publ. (In Russian.)

28. Gabarta, A.A. and Degterev, D.A. (eds) (2025) *Ekonomicheskie sistemy nezapadnykh stran* [Economic systems of non-Western countries]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian.)

29. Yakovlev, P.P. (2024) 'Polikrizis global'noi ekonomiki: posledstviya dlya zapadnykh i nezapadnykh stran' [Polycrisis of the global economy: consequences for Western and non-Western countries], *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal*, (1), pp. 7–22. Available at: <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2024-1-7-22>. (In Russian.)

30. Yakovlev, P.P. (2017) "'Tramponomika' i parametry global'noi nestabil'nosti' ["Tramponomics' and the parameters of global instability], *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal*, (1), pp. 5–19. Available at: https://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/tramponomika_i_parametry_globalnoj_nestabilnosti_2016-12-26.htm (Accessed: 5 April 2026). (In Russian.)

31. Amin, S. (1976) *Unequal development: an essay on the social formations of peripheral capitalism*. New York, NY: Monthly Review Press.

32. Ashbee, E. (2024) *Deglobalization*. Newcastle upon Tyne: Agenda Publishing.

33. Bello, W. (2004) *Deglobalization: ideas for a new world economy*. London, New York, NY: Zed Books.

34. Flew, T. (2018) 'Post-globalisation', *Javnost: The Public*, 25(1–2), pp. 102–109. Available at: <https://doi.org/10.1080/13183222.2018.1418958>.

35. Frank, A.G. (1967) *Capitalism and underdevelopment in Latin America: historical studies of Chile and Brazil*. New York, NY: Monthly Review Press.

36. Ramo, J.C. (2004) *The Beijing consensus*. London: The Foreign Policy Centre.

37. Rodrik, D. (2011) *The globalization paradox: democracy and the future of the world economy*. New York, NY: W.W. Norton & Company.

38. Williamson, J. (2004) 'The strange history of the Washington consensus', *Journal of Post Keynesian Economics*, 27(2), pp. 195–206.

Статья поступила в редакцию 14.12.2025;
одобрена после рецензирования 05.04.2026;
принята к публикации 28.04.2026

The paper was submitted 14.12.2025;
approved after reviewing 05.04.2026;
accepted for publication 28.04.2026